

этих чудесныхъ памятниковъ Мещерякахъ наѣбностей. Киев. Ст. цитируя приведенныя сроки, замечаетъ:

«Нельзя-же забывать и свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности университетовъ; рекомендуемъ молодежи обратиться къ техническому образованию, нельзя-же забывать, что всякая техника зиждется на наукѣ и ею только усищается...»

И такъ-то азбучныя истины приходится доказывать редактору газетъ, призванному поучать и просвѣщать публику.

О чемъ говорятъ.

«РЕВИЗОРЪ»

Шутка въ 1 дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Иванъ Николаевичъ Грековъ, антрепренеръ Городского театра.

Николай Михайловичъ Хлопанъ, директоръ театра.

М. М. Андрушевичъ.

Реджіо, декораторъ.

Федоръ Лазаревичъ Ходоровъ, повѣренный Грекова.

Кантарелли, управляющій.

Саша, помощникъ ржиссера.

Женя, второй кассиръ.

Машинистъ.

Смотритель театра.

Владимиръ Николаевичъ Давыдовъ.

Сцена театра. Сквозь маленькія окны прриваются лучи жаркаго, юнйскаго солнца. Тамъ и здѣсь видны декорации, мебель и бутафорскіе венцы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Грековъ.—Я приглашилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Ходоровъ.—Какъ, ревизоръ?

Хлопанъ.—Какъ, ревизоръ?

Грековъ.—Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Ходоровъ.—Вотъ-те на!

Хлопанъ.—Что я слышу? Еще съ секретнымъ порученіемъ!

Грековъ.—Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какіе-то необыкновенные ростовички. Провѣ, я этихъ никогда не видывалъ: жирные, необыкновенног роста! Пришли, шелкнули по бумажнику—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ отъ пріятели, котораго вы, Федоръ Лазаревичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ (читаетъ): «Москва все та-же: Парадизъ неразлученъ съ Киселовичемъ, Лентовскій затѣялъ новое... А, вотъ: „Снѣгу, между прочимъ, увидѣли тебѣ, что изъ Питера ѣдетъ особа съ предписаніемъ осмотрѣть все театры на югѣ. Я узналъ это совершенно случайно. Такъ какъ я знаю, что у тебя, какъ и у всякаго антрепренера, неприяностей масса, то советую тебѣ приготоовиться... Ну, тутъ помни дѣла „семейныя“: „Горевъ выписалъ изъ Парижа коллекцію галстуховъ, Искулина пикуда не выѣзжаетъ. Южннхъ потолстѣлъ и пишетъ трагедію“... и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!»

Ходоровъ.—Да, обстоятельство такое необыкновенное, просто необыкновенное. Вотъ статья-то!

Кантарелли.—Зачѣмъ къ намъ ревизоръ? Развѣ у насъ безпорядокъ?

Грековъ.—Зачѣмъ! А кто его тамъ знаетъ...

Кантарелли.—Я думаю, Иванъ Николаевичъ, что здѣсь тонкая и болѣе политическая причина. Это значитъ вотъ что: папа Жозефъ хочетъ бросить Киевъ, и Пагани, вотъ видите, и подослалъ сюда особу, чтобы узнать—что и какъ.

Грековъ.—Экъ куда хватили! Ище итальянецъ? Папа Жозефъ надо узнать, что и какъ. Да что онъ, не бывалъ въ Одессѣ, что-ли? Его на островъ Цейлонъ посади—опъ и оттуда все видѣть будетъ.

Кантарелли.—Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Папа Жозефъ свои имѣть виды; даромъ, что въ Киевѣ сидитъ, а онъ себя мотааетъ на усь.

Грековъ.—Мотааетъ или не мотааетъ, а я васъ, господа, предупдомлю. Смотрите... Особенно вамъ, г. смотритель театра, надо принять это къ свѣдѣнію. Безъ сомнѣнія, пріѣзжій пожелаетъ осмотрѣть здание, машинное отдѣленіе—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы, хоть, вентиляція дѣйствовала.

Смотритель.—Ну, это еще ничего, вентиляцію, пожалуй, еще можно пустить въ ходъ.

Грековъ.—А то въ театрѣ, во время спектакля, такая духота стоитъ, что просто ужасъ.

Смотритель.—Паръ, Иванъ Николаевичъ, костей не ломить. Тоже и относительно теплоты сказать можно: тепло мѣшать не можетъ.

Грековъ.—Вамъ, милый Федя, советовать-бы обратить вниманіе на контору. Тамъ, днемъ, чортъ знаетъ, что дѣлается: просители тьма тьмущая, а одинъ хористъ имѣетъ даже обыкновеніе лаяться съ женою и груднымъ младенцемъ. Оно, конечно, семейное начало вещь прекрасная и почему-же хористу не жениться; только, знаете, въ такомъ мѣстѣ не совсѣмъ удобно дѣтскіе крики... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, да въ точности не зналъ: младенецъ-ли крики издаетъ, или это какая-нибудь де-бютантка, ищущая ангажемента, пишущая.

Ходоровъ.—Я сегодня-же распоряджусь никого не пускать въ контору.

Грековъ.—А вотъ вамъ, любезный Реджіо, какъ нашему декоратору, пужно позаботиться особенно на счетъ декораций. Хорошія декорации, конечно, но луна, вода и тучи—спльно-таки хромають.

Реджіо.—Прпчемъ-же и тутъ? Это дѣло машиниста.

Грековъ.—И то правда (обращается къ машинисту). Кто у васъ волшебнымъ фономъ управляетъ!

Машинистъ.—А что?

Грековъ.—Луна ваша просто ни на что по похожа: лоснящаяся лысина, и только. А пойдете воду рыбить, такое волноко разведете, что черезъ горы и башни волны катятся.

Машинистъ.—По ошибкѣ-съ, Иванъ Николаевичъ, начнешь это портить фо-наръ—и забудешься, думаешь, машину въ ходъ пускаешь. Такъ и подмываетъ пуститься въ пашь.

Реджіо.—Не приведи Богъ быть декораторомъ. Никакъ не угодишь: сады Семирамиды изобрази—скажутъ мало.

Грековъ.—Это-бы еще что! Можно, въ крайнемъ случаѣ, совсѣмъ безъ декораций обойтись; — инкогнито проклятое! Вдругъ загнаться: „А, вы здѣсь, голубчики! А кто, скажете, здѣсь антрепренеръ Городскаго театра?—Грековъ.— А подать сюда Грекова.—А кто здѣсь директоръ? А подать сюда...»

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Андрушевичъ.

Андрушевичъ.—Объясните, господа, что: какой ревизоръ ѣдетъ?

Грековъ.—А вы развѣ сами не знаете?

Андрушевичъ.—Женя что-то такое говорилъ. Я его только что съ двумя студентами встрѣтилъ.

Грековъ.—Ну, что? Какъ вы думаете объ этомъ?

Андрушевичъ.—Право, къ хозяйственному способу эксплуатаціи театра дѣло клонится.

Реджіо.—Въ одно слово: я самъ тоже думаюъ.

Грековъ.—Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Андрушевичъ.—Вѣрьте моему опытно-ству... Это все итальянецъ гадитъ. Ужъ очень въ итальянцу влюблены. Подавай примадоннѣ, да не какихъ-нибудь примадоннѣ, а настоящихъ...

Грековъ.—Пора-бы и бросить эту канитель, право. Точно, безъ итальянцевъ прожить не можемъ.

Ходоровъ.—Да, не хорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шель было къ вамъ, Иванъ Николаевичъ, чтобы пригласить васъ на вѣнтъ. Дачу присяжнаго повѣреннаго Забубоннаго знаете? Такъ у него сегодня вечеромъ поставятъ, если не двѣнадцать, вотъ мы и тово—маэстро, вы, я и Тпрутынкевичъ—вѣнтикъ значить...

Грековъ.—Батюшки, не мнѣ теперь вашъ вѣнтъ: у меня вѣнтъ въ головѣ инкогнито проклятое сидитъ! Такъ и ждешь, что отворится дверь—и шашь...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, Саша и Женя (оба входятъ запыхавшись).

Саша.—Чрезвычайное происшествіе!

Женя.—Неожиданное извѣстіе!

Всѣ.—Что такое?

Саша.—Непредвидѣнное дѣло: ѣдетъ это мы съ Женей въ каретѣ...

Женя (перевисал).—Ѣдетъ это мы въ каретѣ... Сеня Балбесовъ. Здравомоемся. Дальше! Елена Ивановна Бриллиантова...

Женя.—Одѣта—прелесть: вся въ бѣломъ и красный зонтикъ въ рукахъ.

Саша.—Наконецъ, видимо, идетъ мужчина: не высокій, но и не низенькій, скорѣе толстъ, чѣмъ тонокъ, въ сѣромъ цилиндрѣ и съ тросточкою, а на лицѣ эдакое, чортъ возьми, выраженіе: не то человекъ сорокъ миллионъ на-слѣдства получилъ, не то во-время на паровой трамвай поспѣлъ. Идетъ это по троттуару, и все озирается, идетъ—и озирается—ни дать, ни взять, знатный путешественникъ!

Женя.—Видимо направляется къ театру.

Саша.—Видимо направляется къ театру. Кто-бы такой могъ быть, задаю себѣ вопросъ? А физиономія какъ-будто знако-мая. Только—хоть стрѣлай, не вспомню, гдѣ встрѣчалъ эту физиономію. Э, гово-рю я Женѣ...

Женя.—Нѣтъ, Саша, это я сказалъ, э! Саша.—Сначала ты сказалъ, а потомъ я сказалъ. „Э!“ сказалъ мы съ Женей. А съ какой стати незнакома намъ пер-сона направляется къ театру? Да-съ. А вотъ онъ-то и есть ревизоръ.

Грековъ.—Кто, какой ревизоръ?

Саша.—Театральный ревизоръ, о ко-торомъ вы получили свѣдѣнія.

Грековъ.—Христосъ съ вами! Это не онъ.

Женя.—Онъ! Въ сѣромъ цилиндрѣ, лица разсматриваетъ и къ театру при-ближается. Кому-же быть, какъ не ему?

Саша.—Хоть сейчасъ меня съ буттер-бродомъ сѣшьте, коли не онъ. Да онъ даже улыбнулся намъ, когда мы съ нимъ поровнялись!

Грековъ.—А не знаете, гдѣ онъ оста-новился?

Саша и Женя.—Въ „Северной“.

Всѣ.—Онъ!

Грековъ.—Какъ давно онъ здѣсь?

Саша.—Надо полагать, вчера прибылъ.

Грековъ.—Вчера! А вчера, какъ-разъ, въ театрѣ „Маленькій Фаустъ“ шелъ и божественная Монбазонъ канканчикъ от-калывала. Хотя, Богъ свидѣтель, что я не виноватъ. Люби искусство, за ан-трепризу взялся. Старался, чтобы къ лучшему... Сивалижникомъ не былъ, пуб-лику не падувалъ, давалъ все, что мож-но—и оперу, и драму. А все-таки... Пер-вый годъ Маленькій сблѣлъ маленько съ толку, второй годъ лучше прошелъ, но всѣ упованія — на зимній сезонъ. Хо-рошо, если ревизоръ приметъ во вни-маніе мое положеніе. А ежели онъ ограничится формальной стороной и начистъ спрашивать: Почему давалъ не чистую русскую оперу, а смѣшан-ную? Почему закрывалъ въ посту те-атръ? Мало-ли какихъ вопросовъ нельзя задать антрепренеру, когда нуж-но во что-бы то ни стало четверговать его!..

Андрушевичъ.—Что-жъ, Иванъ Нико-лаевичъ, ничто не остается, какъ нане-сти ему визитъ.

Грековъ.—Пожалуй, что такъ. О, вы, я вижу, умница!

Андрушевичъ.—Помилуйте, тридцать лѣтъ въ этомъ болотѣ—то-бшп, храмъ искусства нахожусь. Видѣли, какую я мебель для „Горо отъ ума“ купилъ по порученію управы? А почему? Потому что дѣло въ томъ, что можно было на-примѣръ, часы: за нихъ можно смѣло взять двѣ тысячи.

Грековъ.—Такъ я иду. Гдѣ моя шляпа?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Давыдовъ.

Давыдовъ (за кулисами).—Такъ вы говорите, что Иванъ Николаевичъ на сценѣ? Благодарю васъ...

Саша и Женя (увидавъ Давыдова).—Батюшки-святѣ! Вотъ онъ идетъ... Это-же самый пріѣзжій!

Грековъ.—Какой пріѣзжій?

Саша.—Да ревизоръ...

Грековъ (удивленно).—Такъ вотъ вы о какомъ ревизорѣ говорили? А я-то слушаю... Какой-же онъ, господа, ревизоръ? Это мой давнишній пріятель Владимиръ Николаевичъ Давыдовъ, краса и гордость отечественной сцены. Милости просимъ, Владимиръ-театральный соловушко! Сюда, ко мнѣ на грудь (Обращаясь къ прі-сутствующимъ). Давно сказали-бы, что рѣчь идетъ о немъ! Такіе ревизоры да-же весьма пріятны...

Занавѣсъ.

Оса.